

Я делаю ставку на привычку к комфорту

Анна Клепиковская отказалась от руководства юридическим департаментом крупной западной компании, став директором по развитию лесного отеля “Голубино” в поселке Пинега Архангельской области. В интервью Экспертному совету по малым территориям Анна рассказала о разнице жизни в Москве и северной русской глубинке, об особенностях работы с местными жителями, о столетней пекарне и любимой грунтовой дороге.

Вы родились и жили в Москве. Как и почему вы оказались в Пинеге?

Я не переехала в Пинегу. Мой муж и его семья из Пинеги. Когда я вышла замуж, мне было сказано – «каждое лето мы проводим в деревне». Не вопрос. Я люблю русский север, поэтому мне там очень понравилось. А рядом с Пинегой, в 15 километрах была туристическая база, мы там часто отдыхали всей семьей и мечтали: «Вот бы сделать современный туристический центр». Мы много путешествовали по Америке и Европе – у нас было представление, каким может быть отдых, и как пропагандируют внутренний туризм в мире. Возле базы, например, есть великолепное ущелье Тараканий лог. Да, это не Гранд-Каньон, но оно очень красивое, и в нем ты испытываешь столь же сильные эмоции.

Мы были полностью уверены, что базу можно превратить в классное место, которое привлекало бы туристический поток. Мы в шутку много лет об этом говорили, пока Лена [сейчас директор Лесного отеля «Голубино» Елена Шестакова] в 2006 – 2007 не стала организовывать турпоездки из Архангельска в Пинегу. К сожалению, турбаза, тем временем, стала приходить в упадок, людям не выплачивали зарплаты, главный корпус сгорел. В таком состоянии мы и взялись за неё в 2014 году.

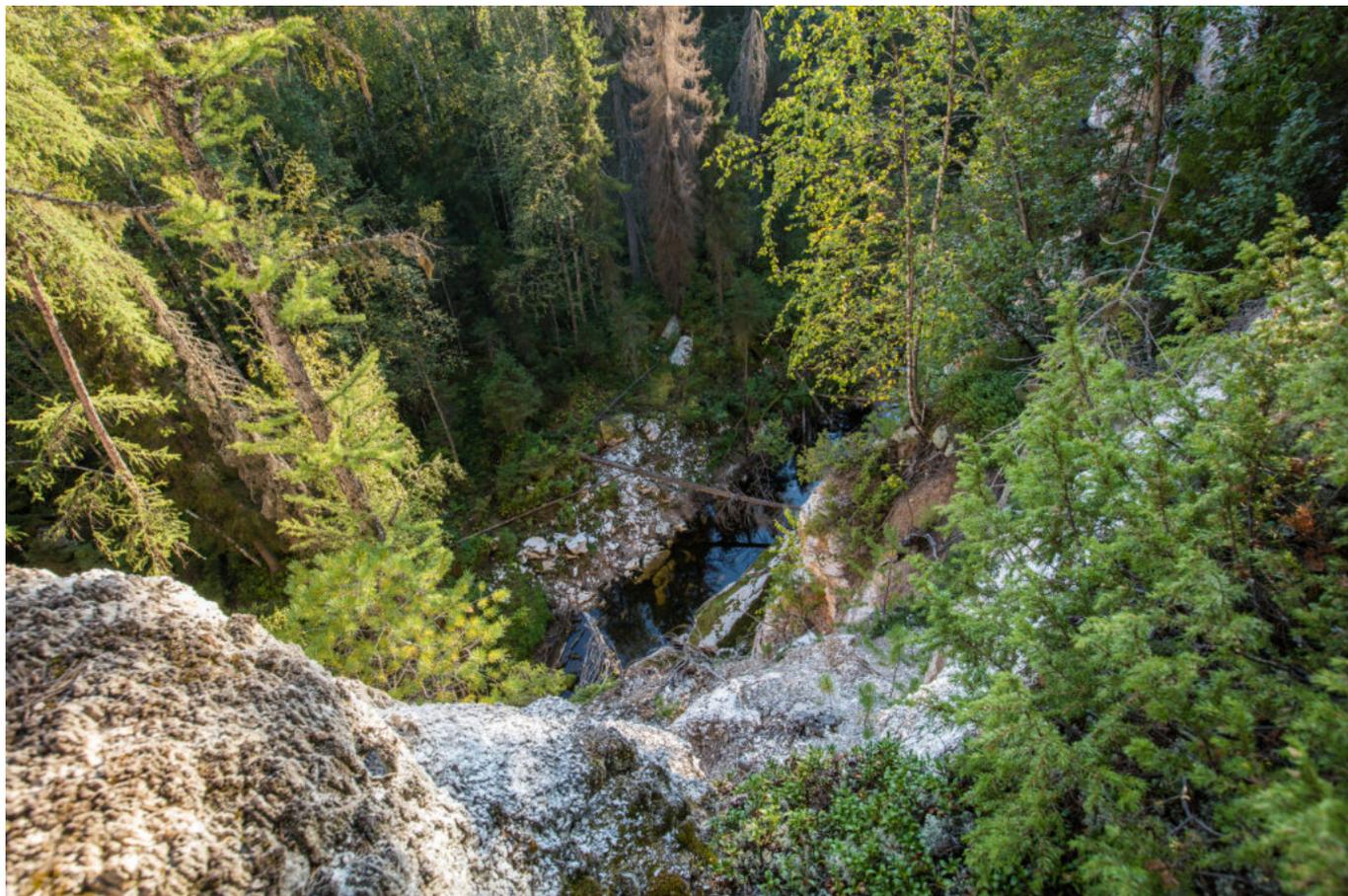
А как вы сейчас взаимодействуете с поселком?

Наша принципиальная позиция в том, что мы работаем, в том числе, на Пинегу. Она же и один из наших основных клиентов. Мы проводим множество мероприятий для школьников, для компаний из Пинеги, семей. Стараемся по максимуму привлекать пинежских поставщиков. Мы сотрудничаем с фермами, с заповедником, с культурным центром. Люди стали приезжать к нам проводить мероприятия, как результат – в самом городе качество сервиса подтянулось, например, в единственном кафе сделали ремонт.

Ваши работники из Пинеги или заезжают вахтами?

Все наши сотрудники из Пинеги, это для нас принципиально – мы хотим, чтобы поселок жил дальше. Мы устанавливаем определенные стандарты жизни: люди видят, как мы оформляем номера, как подаются блюда, как мы общаемся друг с другом. Потом очень приятно слышать: «Буду делать ремонт, украшу дом, как вы». Мы становимся культурным примером для многих местных жителей. Думаю, мы влияем даже просто своей активной жизненной позицией. Там жизнь размеренная, спокойная, а мы говорим: «Завтра у нас ярмарка! Завтра праздник! Нужно поучаствовать!». Например, у нас проходил праздник оленя, на который мы собрали 2500 человек.

Для нас очень важно, чтобы Пинега жила, потому что здесь живут наши семьи. Нам нужна такая школа, чтобы дети потом смогли поступить в вуз, и такое медицинское обслуживание, чтобы могли нормально жить родители.

Кто-то кроме вас, кто переехал в Пинегу из большого города?

Это случается. Недавно у нас был человек, которому нравится наш проект. Он вернулся в родную Пинегу из Москвы и будет с нами сотрудничать. К нам приезжают специалисты из Архангельска, которые говорят: «Готовы здесь жить и работать». Они даже смотрели детские садики.

Но, в поселке нет водоснабжения... Городские люди, конечно, уже не готовы таскать воду. Нет отопления. Газа нет. А что значит, нет отопления, если ты живешь в деревянном доме? Утром ты ушел на работу, вечером пришел, а у тебя дубак. Реальность такова, что люди ходят в баню. Четверг и суббота у всех банный день. Баста – нет ванн, нет душевых. Для городских людей, это, понятно, проблематично.

Какие вообще есть плюсы жизни в подобном малом поселке?

Сейчас, когда у тебя есть возможность почти все услуги получить по интернету, ты не так сильно изолирован, как раньше. При этом ты видишь семью, действительно ее видишь. В Москве я вставала полвосьмого утра, ехала по пробкам на работу и приползала вечером никакая. Ребенок приходил из школы тоже с потерянными глазами. Мы падали, просыпались – и в таком ритме каждодневно. А там в любой момент можно выйти погулять в лес. Жизнь размеренная, но при этом люди общаются, ходят на лыжах, гуляют. Дети свободно ходят по магазинам, куда угодно, и ты не боишься за них. К нам приезжает очень много интересных людей. Поначалу я думала, что забуду английский, французский, португальский. Ничего подобного, к нам регулярно приезжают иностранцы. Да, не группами по двадцать человек, в основном пары или одиночные туристы, но у тебя точно будет время с ними пообщаться.

Чем вообще живет местное население?

Большинство живет лесом, лесозаготовкой, но это трудное дело, часто не хватает ресурсов, чтобы организовать вывоз. У «Пинежской потребкооперации» есть старинная пекарня, которой более ста лет, они готовят фантастически вкусный хлеб, торты и пряники. Но совершенно не умеют себя продавать. В Европе тебе сразу рассказывают: «У нас есть пекарня, которую построили сто лет назад и которая до сих пор работает на дровах». Если ты едешь в ту же Европу, и там стоит какая-то красивая стойка, на ней написано «местная выпечка», и вкусно пахнет хлебом, любой турист ее скорее с собой в качестве сувенира повезет, чем какой-то китайский пластик. А у нас что: «Пекарня и пекарня. Ну, сто лет ей. И что?» Мы их сами раскручиваем, снимаем ролики, привозим гостей.

Как научить гостеприимству? Как объяснить, что хлеб будет продавался лучше, если, как минимум, покрасить вывеску и заменить столы, завезенные в 1986 году?

Наверное, единственный вариант – своим примером. Мы что-то делаем, если людям это тоже нравится, они потихонечку начинают делать так же. Стоит принять как факт – быстро не будет.

Думаю, что развитие в 70% случаев будет идти от внешних людей, которым надоел большой город, но которые хотели бы сохранить качество жизни. Я делаю ставку на привычку к комфорту. Многие ведь возвращаются – девушка вышла замуж, уехала в большой город, что-то не сложилось, она вернулась к родителям в поселок. Но она уже в городе пожила, знает, что ребенка можно

водить на детские занятия, что есть кафе, где можно выпить с капуччино и прочие городские штучки. Если она этих условий здесь не получит, ее будет тянуть обратно в город за маникюром и красивой укладкой.

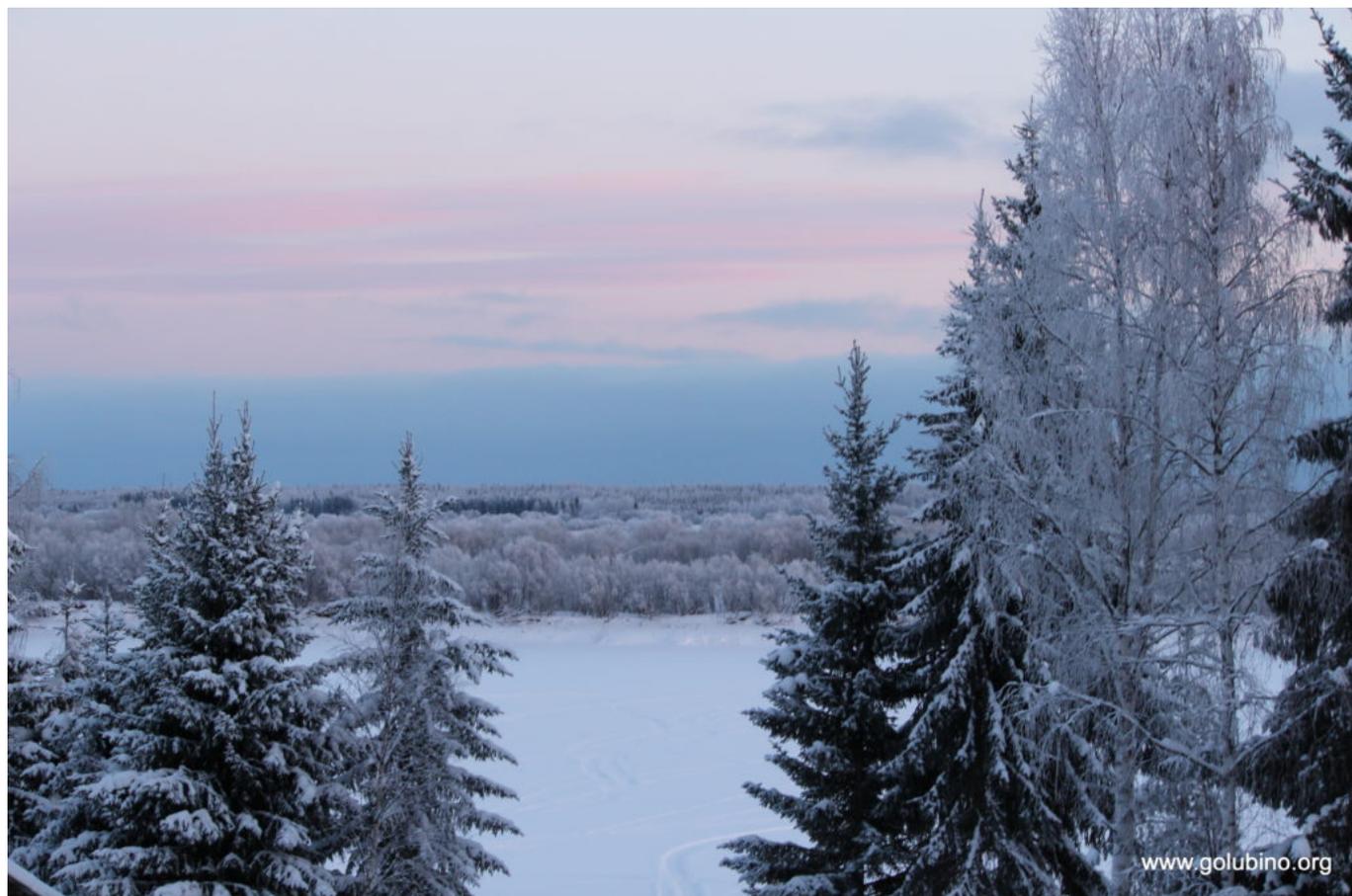
А сама открыть парикмахерскую она может?

Это важный вопрос. В Пинеге есть замечательное старинное здание, которое пока стоит закрытое, но может разрушиться, и которое всем жаль. Если местный житель заметит, что вы на него смотрите, обязательно скажет: «Так жалко, что разваливается. Вот бы кто-нибудь, что-нибудь бы с ним сделал». Мы делали опрос на тему, что с ним делать, лидирует ответ «Если мне скажут, что делать, я готов». Люди ждут, что придут и им дадут. Но при этом на вопрос «Готовы ли вы вести в этом здании кружки?» из ста тридцати анкет более двадцати положительных ответов: «Я хочу вести йогу, но мне негде». Такие люди есть, но предприниматели в основном все-таки уже выехали. И не потому, что им там нечего было делать, а потому что, как мне кажется, шла пропаганда: «Ты успешный, если ты уехал. Не уехал – не успешный».

Чтобы это исправить нужна обратная пропаганда через примеры. Я очень четко убедилась за это время, что, если есть конкретный Вася, который готов работать, – будет что-то меняться. Если есть идея без человека за ней – ничего не изменится.

Я не знаю примеров, где что-то случилось без личности. Например, в Пинежском районе есть поселок Сия. Туда вернулся мужчина и стал проводить разные акции: «Сия – поселок без луж», «Сия – поселок без мусора». Он каждый день выходил и сам собирал мусор. Потом, другие тоже начали собирать мусор. Не сразу, не через два месяца, даже не через три. Но сейчас, спустя полтора года, на улицах в поселке мусора нет.

Поэтому самое страшное, когда эти люди перестают в себя верить, когда говорят «мы устали бороться». Тогда все.

Помимо опоры на местных подвижников, есть ли другие принципы развития туризма в малых территориях?

Мы не развиваем туризм. Мы живем этим. Это была мечта. Очень точно было сказано на форуме по развитию сельских территорий Архангельской области: в начале любой социальной деятельности стоит либо беда – когда люди пытаются решить какую-то проблему (например, хосписы), либо мечта – когда человек решает сделать то, о чем думал всю жизнь всю жизнь. В обоих случаях это адский круглосуточный труд.

Если ты в это веришь, то и люди поверят. А если тебе структурная организация Ростуризма сказала, что нужно развивать туризм в этой области, а ты смотришь, и думаешь: «Какие-то обшарпанные дома. Какие-то деревянные разбитые тротуары», – тогда даже не начинай.

Если я буду рассказывать про дорогу в Пинегу, я скажу, что она

фантастически живописная, что вы проезжаете вдоль Северной Двины, потом вдоль Пинеги, а потом вам покажется разлом посреди тайги! А кто-то скажет: «200 километров по гравийке. Только машину убью».

Поэтому, первое правило – верить в проект, который ты делаешь, и любить то, что ты делаешь. Второе – быть готовым к тому, что будешь работать круглосуточно. Третье – нужно уметь общаться не только с туристами, но и с местным населением, чтобы тебя приняли, чтобы тебе помогали, и чтобы в тебя поверили.

Источник: [Экспертный совет по малым территориям](#)